

— А? Зачем ты со мной домой? — удивился Лаосань.

А-Да, видя, что Лаосань выглядит подавленным, почувствовал беспокойство. Он обычно был прямолинеен в общении и не считал, что внезапное посещение чьего-то дома может быть неловким.

— Познакомиться с твоими родителями. Если я не принесу подарок, они обидятся?

Лаосань не мог ни сказать «да», ни «нет». Подумав, он согласился:

— Сначала я навещу маму, подарки не нужны. Ты... переоденься.

А-Да сменил одежду, просто надел более яркую футболку и шорты. Лаосань взял с собой лёгкий багаж, и они сели на метро, направляясь в жилой район Чичжу. Здесь было множество роскошных домов с видом на море, но они остановились у старого многоквартирного дома. Снаружи здание выглядело внушительно, но было покрыто слоем пыли времени, что придавало ему унылый вид.

А-Да ожидал увидеть виллу на склоне холма, но вместо этого оказался в старом доме.

Лаосань достал ключи и открыл дверь. Внутри было темно, плотные шторы блокировали солнечный свет, и перед глазами А-Да были лишь густые тени, словно внутри жили только призраки.

Лаосань замер на пороге, оглядел себя и спросил:

— Волосы в порядке?

Его волосы были слегка вьющимися, коротко подстрижены и выглядели аккуратно без особых усилий. Этот вопрос он уже задавал А-Да в отеле, когда умывался. А-Да ответил тем же:

— Всё в порядке, не растрёпаны.

Несмотря на жару, Лаосань был одет в рубашку с длинными рукавами, аккуратно застёгнутую на запястьях, и чёрные джинсы, облегаящие его длинные ноги, без единой складки. Он сжал губы, пытаясь застегнуть первую пуговицу на клетчатой рубашке, но никак не мог попасть в петельку.

А-Да протянул руку и помог ему застегнуть рубашку.

Выйдя из леса, Лаосань вдруг почувствовал, что от А-Да исходит какой-то запах. Это был не запах кокосового мыла или стирального порошка, не мужской пот, а что-то неуловимое, не имеющее аналогов. Теперь, когда пальцы А-Да были рядом с его лицом, Лаосань, почувствовал этот аромат, словно снова оказался в лесу, у водопада, в комнате, где стучала швейная машинка.

Он вдруг понял, что, хотя ему и не хотелось этого, он привёл А-Да домой, потому что с ним рядом всегда чувствовал себя спокойнее.

— Ацзэ, ты вернулся? — внезапно раздался мягкий голос изнутри.

А-Да вздрогнул, опустил руку и посмотрел в темноту комнаты. Множество теней словно слились в одну, превратившись в фигуру у окна, чернее всех остальных.

Лаосань взглянул на А-Да:

— Заходи.

Как только они вошли, без предупреждения загорелась лампа, осветив лицо у окна.

В оранжевом свете лицо излучало мягкий, старинный блеск, особенно потому, что оно было невероятно красивым, словно принадлежало человеку из тридцатых годов прошлого века, сохранившему свою красоту на протяжении ста лет, и теперь она оставалась лишь в этом световом круге, упрямо поддерживая достоинство своей красоты.

Глаза женщины скользнули по А-Да.

Его лицо покраснело. Это был взгляд женщины, оценивающей мужчину, а не взгляд старшего на младшего. Её черты были похожи на Лаосана, но разве он когда-либо смотрел на людей таким мягким, но цепким взглядом?

Лаосань стоял рядом, и А-Да чувствовал себя крайне неловко.

Женщина подошла и радостно обняла Лаосана. Тот представил:

— Это мой друг, Цзэн Кэда.

Мать снова внимательно осмотрела А-Да и с нескрываемым сомнением произнесла:

— Твой друг?

А-Да улыбнулся:

— Здравствуйте, тётя.

Она холодно ответила:

— Хм, садитесь.

А-Да почувствовал, что мать Лаосана мгновенно потеряла к нему интерес. Они сели на кожаный диван, мать и сын заговорили о бытовых делах, сначала на путунхуа с южным акцентом, а затем полностью перешли на ханчжоуский диалект, словно забыв о существовании А-Да.

Тот не обращал на это внимания, бесцельно осматривая дом. Дом был великолепен, от мебели до штор всё выглядело изысканно и ухоженно, но уход был слишком тщательным, стирая следы жизни, и каждая вещь была чиста и аккуратна, как экспонат.

В комнате горел тусклый свет, и гладкие хрустальные вазы отражали искажённое изображение А-Да, его небрежный наряд и растрёпанные волосы, которые выглядели совершенно неуместно в этом изысканно украшенном помещении. А-Да наконец почувствовал лёгкое беспокойство. Мать Лаосана сидела напротив с величественной осанкой, и хотя она не произнесла ни слова и даже не взглянула на него, она умела заставить человека почувствовать себя недостойным и нежеланным.

А-Да вздохнул про себя, зная, что лучше бы он оделся понаряднее... хотя, как бы он ни оделся, он всё равно не вписался бы сюда. Впервые он подумал, что он и Лаосань, в конце концов, из разных миров.

А-Да повернулся к Лаосаню, чувствуя, что тот сейчас кажется чужим. Лаосань обычно был активным и любил подшучивать, но дома он вёл себя очень смиренно, говорил мягко и тихо, словно боясь обидеть мать.

Лаосань заметил взгляд А-Да и повернулся к нему. Тот улыбнулся, и уголки губ Лаосана тоже приподнялись, он откинулся на мягкую спинку дивана, чувствуя себя чуть расслабленнее. Он представил матери:

— А-Да — отличный повар, в следующий раз он приготовит для нас что-нибудь.

Мать холодно улыбнулась:

— Правда? Ацзэ, в последние годы ты так заигрался, что у тебя появились самые разные друзья.

Лаосань был ошеломлён. Он знал, что мать не полюбит А-Да, но чувствовал, что нужно создать о нём хорошее впечатление:

— Отец и братья хотят, чтобы А-Да работал в их ресторане, поэтому я привёз его из Сингапура.

Услышав это, мать повернула глаза на А-Да, слегка выпрямилась и сказала:

— А, если твой отец его выбрал, значит, он неплох.

Затем она наконец улыбнулась:

— Ты готовишь французскую кухню?

А-Да прямо ответил:

— Не совсем. Я давно не работал в ресторане, недавно готовил в школьной столовой.

...

Улыбка матери застыла на лице. Лаосань, видя это, поспешил объяснить:

— Он — шеф-повар с тремя звёздами Мишлен, я пригласил его управлять нашей кофейней.

Мать едва заметно кивнула. Для неё те, кто работал на них, были прислугой, и она даже не считала нужным выражать своё отношение. Но раз А-Да был выбран мужем, он заслуживал большего уважения. Она позвала служанку, чтобы та налила А-Да чаю.

Только сейчас А-Да понял, что в этом тёмном доме была прислуга, и не одна.

Пока служанка наливала чай, Лаосань на кантонском языке приказал открыть шторы.

Служанка без выражения лица медленно раздвинула тяжёлые бархатные шторы, и солнечный свет хлынул внутрь, как поток. А-Да прищурился, осмотрел комнату, и магия исчезла. Атмосфера роскоши и недоступности ушла, и дом превратился в нагромождение дорогих вещей.

На лице матери появились едва заметные морщины, она всё ещё была красива, но теперь выглядела как обычная ухоженная женщина средних лет.

Мать не любила свет, съёжилась в диване и, кажется, мгновенно потеряла терпение, непрерывно подгоняя Лаосана вернуться в семью Су:

— Твой отец скучает по тебе, побыстрее возвращайся, хорошо? На этот раз задержись подольше, не бегай без дела.

Лаосань равнодушно ответил:

— Если я задержусь дома слишком долго, кто-то может подумать, что я мешаю...

Не успел он закончить, как мать разозлилась:

— Ты — Су! Кто посмеет сказать, что ты мешаешь в своём доме!

Лаосань не осмелился больше говорить. Мать встала с внушительным видом:

— Я ухожу, ты тоже не задерживайся здесь, побыстрее возвращайся!

Она была одета аккуратно, неясно, всегда ли она так выглядела дома или уже собиралась выходить. Она позвала служанку принести ей сумочку, та долго не появлялась, наконец медленно вышла и подала ей сумку. Мать с раздражением попросила найти ей туфли.

Лаосань сказал А-Да:

— Пошли.

<http://bllate.org/book/16329/1473993>